

Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ

Одной из особенностей динамических изменений, происходящих в России в целом и проявляющихся непосредственно в существовании «среднего» россиянина, в том числе и жителя российской провинции, является принципиальное изменение коммуникативной среды его существования. На смену идеологически обоснованной коммуникативной среде, создающей целостный дискурс, являющийся коммуникативно-языковым воплощением единой концептуальной картины мира, приходит его многовариантность.

В ряде социально ориентированных теорий дискурса справедливо отмечается моделирующая функция дискурсивных формаций. Идеи внутрискруктурной обусловленности значений, разработанные в классических школах структурализма применительно к языковой системе, распространяются на анализ текстового пространства дискурсов. Однако, сохраняя преемственность в признании важности внутрискруктурной значимости анализируемых единиц, аналитики дискурсов переносят центр тяжести на исследование того, как внутрискруктурные значимости формируются в конкретном употреблении языка. В одном из наиболее «жестких» определении дискурсивной обусловленности значений, основывающемся на положениях М. Фуко, отмечается, что «дискурсы – это относительно ограниченные наборы утверждений, которые устанавливают пределы того, что имеет значение, а что значения не имеет» (1, с. 31).

Данные ограничения возникают в результате корреляции дискурсов и социальных практик. Анализ значений обнаруживает «формирующую дискурс социально-историческую ткань» (П. Серио), которая, как правило, неоднородна, формируясь как некое поле соотнесенных социальных формаций,

в результате чего реальная речевая практика может быть представлена как взаимодействие или «борьба дискурсов». Вследствие внутридискурсивной маркированности значений возможен анализ коммуникации в аспекте пересечения или «столкновения дискурсов», находящих отражение в эффекте коммуникативно значимого «высвечивания» в текстах инодискурсивных фрагментов.

Интердискурсивность, являясь непосредственной реальностью коммуникации, обнаруживается не только в переключении стилистических регистров речи, но и в наличии маркеров актуализации инодискурсивных смыслов в определенной доминирующей дискурсивной формации. Вследствие этого становится возможным обнаружение того, что М. Пешё определяет как «преконструкт» – след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода «заготовку», «сырье» для дискурсивной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности» (2, с. 41). Однако следует подчеркнуть, что проникновение в среду доминирующей дискурсивной формации не оказывается бесследным для преконструкта: он трансформируется, включаясь в новую систему значимостей и вместе с тем по-особому проявляя свою инодискурсивность.

Динамика действий различных, часто разнонаправленных сил, определяющих социокультурный облик современного российского общества, находит непосредственное выражение в формировании многих дискурсов, выполняющих, в числе других, и функцию социального конструирования, моделирования особых картин мира.

Предметом анализа в статье являются интердискурсивные фрагменты в текстах региональных печатных СМИ, обнаруживающих принадлежность к советским дискурсивным практикам как преконструкту; рассматривается вопрос о формах существования интертекстуальных фрагментов советской эпохи в пространстве современных региональных СМИ. Основной аспект изучения – типы включения инодискурсивных советских вкраплений в текст СМИ и возникающие при этом смысловые эффекты, семантические и

прагматические трансформации интертекстуальных вкраплений, выполняющих разные функции в новой дискурсивной среде. Материалом анализа послужили тексты воскресного приложения Томской областной газеты «Красное знамя» «Буфф-сад» за 2005 – 2008 гг¹.

Поставив вопрос о вариантах дискурсивно обусловленной трансформации семантики единиц, сформировавшихся в советском дискурсе, отметим, что, наряду с существованием некоторого единого смыслового слоя, обусловленного единством исторической судьбы народа, советское коммуникативное пространство также являло сложное взаимодействие дискурсов. С одной стороны, дискурсу власти противостоял дискурс советского сопротивления, нонконформистских движений, различных движений андеграунда, с другой стороны, советскому официальному дискурсу особым образом оппонировала обыденная коммуникация. Как представляется, взаимодействие, взаимовлияние и вместе с тем отталкивание смыслов в дискурсах советской эпохи еще ждет своего специального исследования. В данном случае мы анализируем некоторые моменты актуализации советских смыслов в постсоветском постмодернистском социокультурном пространстве. Исследуются варианты «новой эклектики» – парадоксального сочетания «текстовых следов» советских дискурсов и коммуникативные эффекты такого столкновения.

Рассматривая своеобразие смыслового поля русского современного российского постмодернизма, М.С. Уваров отмечает: «Русский постмодернизм» скорее опередил демократические преобразования, чем обосновал их. В этом разрыве пыталась обрести новую жизнь, например, «новая» коммунистическая идеология, продемонстрировавшая удивительную способность к трансформации и ко вполне постмодернистическому плюрализму» (3, с. 450). В пределах статьи рассмотрим три варианта включения советских инодискурсивных фрагментов в тексты разных жанров

¹ «Красное знамя» - областное общественно-политическое издание, не имеющее в настоящее время четко определенного типа целевой аудитории. Однако можно определенно констатировать, что современное издание наследует в качестве части целевой аудитории читателей «Красного знамени» доперестроенной эпохи - единственной областной газеты Томской области. «Буфф-сад» - воскресное развлекательное приложение.

региональной газеты, обращая внимания на трансформации «внутридискурсивных советских смыслов» в новом тексте и коммуникативные эффекты такого включения.

1. Прецедентность «советского» может быть использована как один из вариантов воплощения риторического приема привлечения внимания адресата на основе столкновения инодискурсивных смыслов. Достаточно высокая частотность такого использования в текстах современных региональных СМИ является косвенным свидетельством, с одной стороны, живости смыслов «советского» в современной ментальности, с другой – осознания дистанцирования авторов текстов от данных смыслов, вводимых как средство остранения текста.

К такому типу функционирования советских прецедентных интертекстуальных фрагментов, отнесем, например, озаглавливание сводки погоды, введенной прецедентным фрагментом, несущим явные признаки дискурса «советского», отсылающего к «Краткому курсу»: *Шаг вперед, два шага назад*. Сводка погоды вводится ключевой фразой, начинающей основной текст – *Откуда ветер дует?*, который в контексте заглавия может быть истолкован также как советский интертекстуальный фрагмент, идеологически вполне определенно нагруженный: как косвенный речевой акт, утверждающий в форме вопроса подозрение в недостаточной политической лояльности: – откуда, из каких политических источников появились данные идеи? Продолжение текста – *будут недоумевать томищи всю предстоящую неделю. Вопросы такие будут заданы по делу: нас просто достанут воздушные потоки со всех концов света, и каждый при этом принесет свою погоду* (Буфф-Сад. 03.03.05. Томск) – обеспечивает новое прочтение предшествующих фрагментов, создавая эффект легкой иронии (и в то же время удовольствия в том числе и от преодоления давления «советского официоза», возможности междискурсивного смешения). Как представляется, данный тип контекстного включения советских прецедентных текстов свидетельствует о дистанцировании автора текста от первичных «советских смыслов». В то же

время прием может быть рассмотрен как средство «профанации», снижения сакральных смыслов советского политического дискурса самим фактом включения прецедентного текста «Краткого курса» в «низкий жанр».

Тот же эффект наблюдается и в заметке об изменении схемы движения транспорта в центре города на площади Ленина, озаглавленной *«Ленина изменили»*.

Со вторника на площади Ленина поменялась организация движения.

- *Приоритет движения транспорта теперь будет предоставлен по проспекту Ленина в прямом направлении: то есть если мы едем по проспекту Ленина со стороны «Тысячи мелочей», то главная дорога теперь будет проходить по малому кольцу вокруг клумбы, где стоит памятник Ленину* (Буфф-Сад. 03.03.05. Томск). Преконструкт в принимающем тексте профанируется, принимающий текст использует «поверженные идеологемы» как средство комического.

Композиционно иначе, но с тем же коммуникативным эффектом встраивается советский интертекстуальный фрагмент в заметку о празднике Дня Святого Валентина: *Влюбленные везде и всюду*

14 февраля - день повышения производительности труда почтовых работников и день сверхприбылей торговцев цветами и сувенирами. (Буфф-Сад. 10.02.05. Томск). Данный фрагмент интересен и тем, что в нем наблюдается типичный способ включения советского интертекстуального вкрапления в «идеологически» эклектичный постмодернистский текст современных СМИ, строящийся на соположении советских штампов со сконструированными по моделям «советизмов» единицами, отражающими идеологию нового времени. В приведенном фрагменте такое текстовое соположение актуализирует столкновение советского мифа о советском производстве с «непрерывным ростом производительности труда» и мифологемы капитализма как общества с «непрерывным ростом сверхприбылей».

Советские прецедентные тексты, включаемые в современные дискурсы, способны актуализировать целостные мифологические пласты, а через посредство данных смыслов – некий общий смысл «советского» как феноменального: «Советская мифология, хоть и не представляла абсолютно действующую и идеально сформированную систему, но тем не менее она включала многочисленные традиционные элементы, органично связанные между собой и приобретающие системный характер» (4, с. 300). Советские интертекстуальные фрагменты, актуализирующие советскую мифологию, могут служить фоном, базой обозначения смыслов формирования новой постперестроечной мифологии. Зачастую такое инодискурсивное включение вводится в форме языковой игры, построенной на эффекте паронимической или омонимической аттракции. Так, например, актуализация советского мифа «космической сверхдержавы» используется в информационной заметке *Выход в открытый «Космо» «Буфф-сада»* в качестве фона формирования новых смыслов, связанных с утверждением нового мифа о «всеобщем гламуре». Текст выстраивается на столкновении символических обозначений советского и нового мифа: *15 апреля любой томич мог стать «космическим» героем.*

Сразу два «космических» праздника отмечалось в Томске на прошедшей неделе. День рождения космонавтики и день рождения «Космо» в Сибири.

Создание мифологического образа поддерживается актуализацией мифоритуальной идеи карнавала, магии начала первого дня – «дня рождения». Средством актуализации мифологических смыслов становятся прецедентные фрагменты *космические корабли бороздили бескрайние просторы вселенной, выходцы из народа, космический герой*, с одной стороны, и с другой – *журнал-party, звание мисс и мистер Cosmopolitan, танцпол, мужской стриптиз*. Совокупность междискурсивных столкновений символизирует смену демиургов – культурных героев: *Именно здесь, в то время как космические корабли бороздили бескрайние просторы вселенной, гости «журнал-party» атаковали танцпол под заводные ритмы латины и заглядывались на мужской стриптиз в исполнении ребят-акробатов из группы «Моченые перцы»,*

пожаловавших на вечеринку из Новосибирска – города-родителя «Космополитен-Сибирь».... В ней-то и разворачивалась конкурсная борьба за звание мисс и мистер Cosmopolitan, коими в конечном счете были признаны выходцы из народа Иван да Марина. (Буфф-Сад. 21.04.05,Томск).

2. В то время как одни тексты региональных СМИ отражают дискурсивные линии преодоления «советского», игрового дистанцирования и снижения образов «советского» в новой дискурсивной среде, другие контексты свидетельствуют о принципиально иных типах актуализации данных смыслов, свидетельствующих об их своеобразном переплетении с образами «нового времени», создающими эффект коллажирования. При этом сам тип коллажа, характер внутритекстовых трансформаций преконструктов может разительно отличаться.

Примером дискурсивного проявления тенденций к возрождению советских мифов, возвращаемых в качестве образца прочной государственности, может являться отражение региональными СМИ речевых миров новой политической элиты, общественных деятелей. Представим такой тип дискурсивных трансформаций образов советского.

Так, например, в статье «Гость из будущего» прослеживаются два типа включения советского интертекста: в комментарии журналиста и в тексте, написанном от лица «приглашенного героя» – лидера нового общественного движения.

Автор публикации направленно маркирует социокультурный образ героя, используя «советские» интертекстуальные фрагменты: обращение «товарищи студенты», маркеры советских мифологем «счастливое будущее», «светлое будущее», «забота о будущем молодежи – дело партии»:

Товарищи студенты, вы знаете, что будет в вашем молодежном будущем?

Нет? Сейчас расскажем! В Томске начало работу отделение Российского союза молодежи, которое берет заботу об этом самом будущем на себя.

Журналист вполне определенно маркирует свою позицию по отношению к образу «светлого будущего», вводя маркеры отчуждения – *об этом самом будущем.*

В дискурсе общественного деятеля обнаруживается принципиально иное существование советских прекопструктов: не противопоставление советской и новой мифологии, но тенденция к эклектическому соединению образов советского дискурса с образами изменившегося мира. Активные «советские» вкрапления способны обнаружить непосредственную преемственность современных движений, восходящих к риторике советского дискурса власти: *центральный комитет РСМ, кузница кадров, наши ресурсы – молодежь, работать в связке и т.д.:*

В перспективе организуется лагерь, точнее, смена на базе существующих лагерей, на которых с помощью тренингов, ролевых игр будут развивать лидерские качества молодых. «Лидер» - это кузница кадров.

- Только члены РСМ смогут попасть в этот лагерь?

- *Не обязательно быть членом РСМ, чтобы участвовать в наших программах. Мы не собираемся насильно всех тащить в Российский союз молодежи. Хочет молодой человек работать над какой-то программой – пусть приходит и работает. А те, кого насильно затащили в союз, будут просто статистами. Нам этого не надо! У нас сейчас уже есть актив, то есть имеется главное – интеллектуальные ресурсы.*

- Ну а как обстоят дела с материальными ресурсами?

- *Вопрос хороший. Наши главные ресурсы – это молодежь, которая хочет что-то изменить. А деньги найдем.*

Будем работать в одной связке с молодежными департаментами.

Симптоматично обращение к средствам ритуала для формирования новой мифологии:

Поэтому очень хочется, чтобы возле бронзовой Татьяны² проводились какие-то шествия, праздники. Чтобы студенты верили, что Татьяна

² Памятник Святой Татьяне на Новособорной площади в Томске, созданный на средства Думы Томской области

приносит удачу и завели традицию, к примеру, зачетки складывать у подножья памятнику перед экзаменами, а не орать в окно общежития «Халява, приди!». Молодежь должна понимать и чувствовать, что этот памятник создавался именно для них.

В результате образуется некий коллаж образов: риторики советского официального языка, образов «дозволенного свободомыслия» эпохи советского и языковых маркеров «новой ментальности»: *Часть программ хочу реализовывать через молодежный парламент, членом которого я являюсь. Создание парламента – это величайшая идея, спасибо спикеру Госдумы Борису Мальцеву.....Также планируется расширить существующую при Томском государственном университете биржу труда... Другая программа, которую мы всеми силами будем внедрять, - это молодежная дисконтная карта «Евро<26>».... Кроме этой программы РСМ, есть и много других, направленных на школьников, учащихся средне-специальных учебных заведений и рабочую молодежь. Так, создана центральная лига КВН «Юниор-лига» для юных кавээнищиков. И из нее потом вырастут звезды высшей лиги... (Буфф-сад. 24.03.05.Томск)*

3. Осмысление современной действительности, ее отдельных сторон в жанре памфлета, фельетона, предполагающее опору на гротеск как одно из эстетических средств формирования дискурса постмодерна, также является одной из причин включения в современный публицистический дискурс смыслов «советского»: «В культурно-семиотическом плане гротеск представляет собой изображение (визуальное, вербальное или речевую фигуру), отражающее собой один из моментов движения смысла по пути к его утрате (в пределе – нонсенсу, абсурду), или, по крайней мере, момент его трансформации (что также на какое-то время предполагает его утрату)» (5, с. 85). В гротесковом образе современной России образы «советского» (модели, стереотипы, мифологемы) используются как средство обнаружения, заострения идеи бессмысленности преобразования, образов хождения по кругу. С одной стороны, «советское», обретя историческую перспективу, по закону

мифотворчества, начинает обретать черты идеального – «нового золотого века», высвечивая образы «современной разрухи»³: *Простоквашино, надо отметить, из процветающего совхоза к январю 2005 года превратилось в депрессивный труднодоступный умирающий населенный пункт. Печкин начал выпивать, из-за чего возникли перебои с почтой, товары в местный сельмаг практически перестали завозить, а корова кота Матроскина вместо прежних 5000 литров молока стала давать втрое меньше...* (24.02.05.: Буфф-Сад.Томск)

С другой стороны, абсурд обнажает столкновение двух перспектив видения «советского» – официальной, властной (назначении партии – борьба с врагами партии, т.е. с образом партии связывается карательная, а не созидаящая идея,) и «народной»⁴: (членство в партии понимается как обретение власти и воспринимается скорее через призму партпайка, колбасы и икры, являющимися своеобразными антимифами советской эпохи). И, наконец, именно это столкновение призм видения завершает «логику» абсурда обнаружением глубинного наличия **моделей советского** в современности: *Впрочем, изрядно повзрослевший дядя Федор в деньгах не нуждался. Он был членом «Единой России» и получал партпайк...На что дядя Федор достал из кармана удостоверение члена партии «Единая Россия», из-за этого с Печкиным чуть не случился приступ тахикардии. Он быстро вручил посылку и убежал.*

*Матроскин предположил, что в посылке лежит кремлевская колбаса и икра, которую **партия** выслала дяде Федору, чтобы он в Простоквашине ноги не протянул... дядя Федор немедленно организовал стихийный митинг,*

³ Фельетон «Каникулы в Простоквашино». Буфф-Сад. 24.02.05. Томск.

⁴ «Языковое существование советского времени по отношению к русскому языку можно охарактеризовать как ситуацию фактической диглоссии: тоталитарный русский язык - анти тоталитарный русский язык.(6, с.161 – 162);

«Специфику советской языковой личности, на наш взгляд, составляет обусловленная уникальностью условий ее существования - одновременно в двух ментальных пространствах - специфика осуществления продуктивного (и рецептивного) идеоречевого цикла, работы механизмов реализации лингвориторической компетенции в условиях парадоксального наложения, как минимум, двух лингвориторических картин мира - официально-мифологической и относительно реальной, выводимой из фактов, доступных наблюдению».(7,с. 21-42)

посвященный борьбе партии «Единая Россия» с врагами демократических преобразований.

Таким образом, на наш взгляд, анализ текстов современных региональных печатных СМИ позволяет говорить об активной рефлексии советских стереотипов и советской мифологии в публицистике российской провинции. Рефлексия осуществляется как дистанцирование и «снижение» образов, на основе чего идет формирование новой мифологии. Данной тенденции противостоит тенденция включения советской образной системы в современную, постперестроечную.

Литература

1. Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004.
2. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 2002.
3. Уваров М. С. Постсоветский постмодернизм в антропологическом горизонте // Человек постсоветского пространства. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 447 - 452.
4. Коновалова Ж. Ф. О теории Р. Барта и практике советской мифологии // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8. СПб., 2001. С.300.
5. Юрков С. Е. Постмодернизм: приближение к антимиру // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Серия “Symposium”, выпуск 16. СПб. 2001. С.85-88
6. Купина Н. А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2007.
7. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21-42.